

Научная статья

УДК 342.7

DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-1-23-29

Правовая и коммуникативная природа цифрового конституционализма в отечественных и зарубежных исследованиях

Мария Евгеньевна Солодкина

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

igoshckina.maria@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0009-7594-0586>

Аннотация

В научной статье рассмотрена правовая и коммуникативная природа цифрового конституционализма в отечественных и зарубежных исследованиях. На основе анализа доктринальных источников, действующего законодательства и судебной практики освещены различные подходы к определению цифрового конституционализма, в том числе рассмотрен цифровой конституционализм как концепция, направленная на противостояние цифровым вызовам и изменениям конституционного равновесия. В работе обосновывается необходимость системного вовлечения граждан в государственные управленческие и стратегические процессы на местном и региональном уровнях с помощью цифровых технологий. Вместе с этим в рамках работы делается вывод о необходимости комплексного регулирования цифрового конституционализма, предлагается разработать Федеральный закон «О гарантиях реализации конституционных прав и свобод в цифровом и информационном пространстве», закрепив в нем цифровые права в публично-правовой сфере, цифровые этические принципы и особенности осуществления конституционных обязанностей граждан Российской Федерации в условиях цифровой среды.

Ключевые слова

цифровой конституционализм, цифровые конституционные права, конституционализм, права человека, цифровые технологии, демократическое государство

Для цитирования

Солодкина М. Е. Правовая и коммуникативная природа цифрового конституционализма в отечественных и зарубежных исследованиях // Юридическая наука и практика. 2026. Т. 22, № 1. С. 23–29. DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-1-23-29

The Legal and Communicative Nature of Digital Constitutionalism in Domestic and Foreign Studies

Maria E. Solodkina

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

igoshckina.maria@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0009-7594-0586>

Abstract

This research article examines the legal and communicative nature of digital constitutionalism in domestic and international research. Based on an analysis of doctrinal sources, current legislation, and judicial practice, it highlights various approaches to defining digital constitutionalism, including examining digital constitutionalism as a concept aimed at countering digital challenges and changes in the constitutional balance. The paper substantiates the need for systematic citizen engagement in public administration strategic processes at the local and regional levels using digital

© Солодкина М. Е., 2026

technologies. Furthermore, the paper concludes on the need for comprehensive regulation of digital constitutionalism and proposes the development of a Federal Law «On Guarantees for the Implementation of Constitutional Rights and Freedoms in the Digital and Information Space» that would enshrine digital rights in the public legal sphere, digital ethical principles, and the specifics of the exercise of constitutional duties by citizens of the Russian Federation in the digital environment.

Keywords

digital constitutionalism, digital constitutional rights, constitutionalism, human rights, digital technologies, democratic state

For citation

Solodkina M. E. The legal and communicative nature of digital constitutionalism in domestic and foreign studies. *Juridical Science and Practice*, 2026, vol. 22, no. 1, pp. 23–29. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-1-23-29

Цифровые технологии применяются повсеместно и неизбежно влияют на все сферы жизни человека, проникают в сферу управления государством и обществом. В этой связи информация ложится в основу формирования стратегии развития государства, а также приобретает ключевое значение при принятии управленческих решений. Законодательные изменения, связанные с адаптацией к цифровым вызовам в публичном пространстве, носят ситуативный характер и не обладают системностью. Перед учеными стоят задачи, связанные с формированием концепции цифрового конституционализма и цифровых прав, а также с выработкой предложений по корректировке действующего законодательства.

Осуществляется разработка и принятие отраслевых стратегических документов, например, в 2024 г. утверждено стратегическое направление в области цифровой трансформации здравоохранения¹. Активно принимаются нормативные правовые акты, направленные на регулирование общественных отношений с помощью государственных информационных систем (далее – ГИС) и электронных реестров. С целью улучшения исполнительного производства создается реестр должников по алиментным обязательствам², также создается ГИС в сфере частной охранной и частной детективной деятельности³, формируются и ведутся в электронном виде реестры лицензий и разрешений в сфере оборота оружия⁴, создан единый государственный реестр адвокатов⁵. Вырабатываются нормы, способствующие борьбе с мошенничеством с помощью цифровых технологий, в частности, самозапрет на заключение договоров потребительского займа⁶. Продолжается работа над иными нормативными правовыми актами, в том числе над законопроектом о вводе в ряд статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – РФ) дополнительного квалифицирующего признака, предусматривающего совершение преступления с использованием биометрических данных гражданина, а также изображения или голоса гражданина, в том числе фальсифицированных или искусственно созданных⁷.

¹ Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения: Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2024 № 959-р // Собрание законодательства РФ. 22.04.2024. № 17. Ст. 2388.

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве»: Федеральный закон от 29.05.2024 № 114-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru>, 29.05.2024.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 22.04.2024 № 82-ФЗ // Российская газета. 26.04.2024. № 93.

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 28.06.2021 № 231-ФЗ // Российская газета. 02.07.2021. № 144.

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: Федеральный закон от 22.04.2024 № 83-ФЗ // Российская газета. 26.04.2024. № 93.

⁶ О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)»: Федеральный закон от 26.02.2024 № 31-ФЗ // Российская газета. 28.02.2024. № 43.

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Законопроект № 718538-8 от 16.09.2024. СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8>

Вместе с этим цифровой конституционализм и цифровые права остались за пределами масштабной конституционной реформы 2020 г., причины данного упущения связаны с политическим характером реформы и отсутствием комплексного научного подхода при ее реализации. При этом основная фаза разработки конституционных изменений предшествовала периоду стремительной цифровизации, связанной с COVID-19 и специальной военной операцией. Справедливо отметить, что в рамках реформы 2020 г. сделаны первые шаги на пути к цифровому конституционализму, закреплены предметы ведения РФ, включающие информационные технологии и обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных.

Под воздействием Четвертой промышленной революции происходит изменение не только общественных отношений в сфере публичного права, но и конституционализма, в этой связи активно внедряются в научный оборот новые понятия: «цифровой конституционализм», «информационный конституционализм». Многозначность понятия «конституционализм» осложняет формирование содержания цифрового и информационного конституционализма. Изменение природы современного конституционализма также отмечает д-р юрид. наук, проф. Н. С. Бондарь [1, с. 237].

Конституционализм оформился как явление мировой политико-правовой культуры при переходе от традиционного к индустриальному обществу. При этом формирование термина «цифровой конституционализм» связано с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу. Для такого общества характерно развитие информационных и цифровых технологий, цифровизация правовых отношений, появление цифровых прав и цифрового правового пространства. В этой связи цифровая реальность поднимается на конституционный уровень и требует оформления термина «цифровой конституционализм», который сочетает в своей природе цифровую форму реализации и конституционно-правовое содержание. Вместе с этим кризис конституционализма [2, с. 15] влияет на развитие концепции цифрового конституционализма.

В зарубежной литературе цифровой конституционализм используется в качестве общего термина для объединения множества инициатив, которые включают: разработку и формулирование комплекса политических прав и норм управления, а также ограничений в Интернете на осуществление власти; распространение установленных гражданских прав на цифровую сферу (например, свобода ассоциаций в Интернете), политическое сообщество, к которому обращается инициатива (действие по территории и кругу лиц), официальное признание и легитимность в таком сообществе, степень полноты регулирования (обычно закрепляются широкие принципы, а не четкая политическая повестка) [3, р. 2–3].

Отмечается, что цифровой конституционализм стремится сформулировать набор ограничений на частную власть, который будет способствовать инновациям и автономии, защите законных интересов участников [4, р. 13]. Некоторые авторы говорят о конститутивном (учредительном) конституционализме (*constitutive constitutionalism*), который рассматривает конституцию как пробный акт, направленный на формулирование основополагающих ценностей и структурирование разногласий по фундаментальным социальным и политическим вопросам, в том числе по вопросам онлайн-регулирования [5, р. 1270, 1290, 1307]. Активное развитие информационной среды и ее дискурсивный характер, а также усиление корпоративной власти и процессов глобализации заставили пересмотреть традиционные границы конституционализма – определить, где он начинается и где заканчивается. Верховный суд США очерчивает границы конституционализма в информационной эпохе, при этом в других странах новый конституционализм будет зависеть от осознания судами того, что вопросы информационной эпохи, например, авторского права, патентов, контрактов и антимонопольного законодательства, являются конституционными [6, р. 337].

Также цифровой конституционализм определяют как конституционно-правовое движение, разделяющее некоторые общие нормативные предписания о признании, утверждении и защи-

те основных прав в киберпространстве [7, р. 67]. Цифровой конституционализм способствует возникновению нормативных противодействий (*normative counteractions*), которые включают: 1) нормы, направленные на признание осуществления основных прав с помощью технологий (больше возможностей для реализации прав. Право на доступ в Интернет как условие осуществления права на свободу мнения); 2) нормы, направленные на ограничение роста нарушений основных прав (например, законодательство о защите персональных данных); 3) нормы, направленные на восстановление баланса между существующими полномочиями (публикация информации на сайтах государственных органов) [8, р. 3–4].

В России вопросы цифрового конституционализма нашли развитие в работах д-ра юрид. наук, проф. И. А. Кравца, который выделяет информационный и цифровой конституционализм [9, с. 13]. В связи с открытой природой публичности в мире технологий цифровой конституционализм нельзя рассматривать как закрытый конституционный режим, при этом его нельзя определить как простое сочетание понятий «конституционализм» и «цифра» (цифровое пространство) [10, с. 195, 198]. Цифровой конституционализм является формой национального и глобального конституционализма [9, с. 13], стремится сформулировать и реализовать стандарты легитимности управления в цифровую эпоху [11, р. 2].

Цифровизация влияет на качество реализации ряда конституционных прав. Граждане РФ имеют право участвовать в управлении делами государства (ст. 32 Конституции РФ), Постановление Правительства РФ от 03.02.2022 № 101 утвердило порядок проведения публичных слушаний в цифровом пространстве с участием жителей муниципальных образований⁸. Данная возможность позволяет жителям крупных муниципальных образований быть более вовлеченными в процесс принятия решений местного значения, однако на уровне муниципальных образований с небольшой численностью и без доступа к сети Интернет такие постановления не могут быть реализованы.

Также стоит отметить, что развитие цифрового конституционализма в России может иметь самобытный характер и не учитывать в должной мере опыт мирового сообщества в связи с существующей стратегией выхода из-под влияния международных и европейских регуляторов. В этой связи у субъектов международного права ограничена возможность влиять на идентичность и формирование цифрового конституционализма в РФ.

Важной составляющей реализации цифрового конституционализма является обеспечение демократического участия, в частности, расширение вовлечения граждан в принятие решений на федеральном и местном уровнях. Технологии позволяют масштабировать участие граждан в осуществлении местного самоуправления, созданы правовые основы для инициативного бюджетирования⁹. В Тульской области действует портал социальных сервисов, на котором можно принять участие в голосовании по инициативным проектам, помимо этого регион вовлекает жителей в общественный контроль проектов документов о нормировании в сфере закупок, оценку качества услуг государственных учреждений¹⁰. В ряде регионов осуществляется учет мнения населения при принятии бюджета, например, на территории Новосибирской области по результатам проекта «Народный бюджет» в приоритетном порядке финансовые

⁸ Об утверждении Правил использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» в целях организации и проведения публичных слушаний: Постановление Правительства РФ от 03.02.2022 № 101 // Собрание законодательства РФ. 07.02.2022. № 6. Ст. 901.

⁹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федеральный закон от 20.07.2020 № 236-ФЗ // Российская газета. 24.07.2020. № 162.

¹⁰ Портал Тульской области «Открытый регион 71». URL: <https://or71.ru/> (дата обращения: 19.11.2024).

средства были распределены на улучшение работы и состояния общественного транспорта¹¹. Вместе с этим технологии, внедряемые на уровне городского хозяйства, могут препятствовать реализации конституционных прав и свобод [12, с. 115].

Активное развитие получила практика применения государственных информационных систем, которые позволяют оптимизировать организационные и управленческие процессы. Такие системы содержат угрозу распространения ошибочных данных в связи с техническими или человеческими ошибками, что может способствовать снижению доверия граждан не только к технологиям, но и государству в целом. При этом государству разумно сохранить участие человека в проверке достоверности указанных в системах сведений в случае наличия запроса.

Цифровая форма реализации конституционных прав на примере Новосибирской и Тульской областей показывает готовность государства вовлекать граждан в управленческие процессы на местном и региональном уровнях. Вместе с этим такое вовлечение носит формальный, а в некоторых случаях эпизодический характер и не охватывает вопросы, связанные с принятием стратегических решений. Обеспечение реального участия граждан в принятии решений будет способствовать их вовлеченности и выражению воли, повышению легитимности принятых решений. Вместе с этим эффективное применение цифровых способов участия граждан в управлении государством будет способствовать преодолению кризиса конституционализма.

Государство должно быть готово взять на себя риски и возможные последствия, в том числе негативные, связанные с внедрением или отказом от внедрения цифровых способов участия граждан в управлении государством. Цифровые и правовые решения будут способствовать конституционной коммуникации при условии обеспечения прозрачной идентификации личности. При этом необходимо учитывать, что цифровые формы участия могут быть применены с целью формирования антигосударственных взглядов.

Таким образом, с учетом вызовов цифровой реальности и правоприменительной практики ученым и законодателям необходимо сформулировать содержание цифровых конституционных прав. Указанные права являются неотъемлемой частью цифрового конституционализма, влияют на его формирование и становление. При этом цифровые права должны соответствовать идеям конституционализма, верховенства Конституции РФ и демократического государства.

В целях достижения и реализации цифрового конституционализма предлагается разработать комплексный Федеральный закон «О гарантиях реализации конституционных прав и свобод в цифровом и информационном пространстве», указанный закон позволит системно подойти к вопросам достижения цифрового конституционализма, а также снизит риски, связанные с нарушением публичных прав в цифровом и информационном пространстве. Федеральный закон может включать положения, гарантирующие основные права и свободы граждан РФ в области личной жизни, в публично-политической сфере, в социально-экономической сфере, информационные права человека и гражданина, цифровые этические принципы и особенности осуществления конституционных обязанностей граждан РФ в условиях цифровой среды. Некоторыми примерами таких положений могут быть положения, закрепляющие право на тайну личной жизни в цифровой среде, право на цифровую смерть и забвение, право на участие в управлении делами государства и на осуществление местного самоуправления через цифровые платформы, право на отказ от использования цифровых и информационных технологий при получении медицинской помощи, а также при получении образования, право на судебную защиту прав и на получение квалифицированной юридической помощи с помощью цифровых технологий без замены юридической оценочной деятельности искусственным интеллектом.

Вместе с этим целесообразно внести изменения в действующие нормативные правовые акты, регулирующие общие принципы организации публичной власти в субъектах РФ,

¹¹ Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/07/22/reg-sibfo/narodnyj-biudzhnet-v-novosibirskoj-oblasti-potratiat-na-transport.html> (дата обращения: 24.10.2024).

общие принципы организации местного самоуправления, сферу образования, сферу здравоохранения, организацию предоставления государственных и муниципальных услуг и порядок рассмотрения обращений граждан РФ. Предлагаемые изменения позволят обеспечить реализацию цифровых прав в основных сферах деятельности общества. Например, предлагается закрепить принцип добровольности электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, принцип непосредственности получения образования (очного образования), а также обеспечить гарантии получения начального общего, основного общего и среднего общего образования в очном формате.

Вышеизложенные меры позволят системно подойти к вопросу защиты прав и свобод человека и гражданина в публичном пространстве в эпоху цифровой трансформации.

Список литературы

1. **Варламова Н. В., Васильева Т. А.** Современные цивилизационные вызовы: правовые ответы (Международная научная конференция) // Тр. Ин-та государства и права РАН. 2024. Т. 19, № 2. С. 235–263.
2. **Кравец И. А.** Многомерный кризис и цифровое будущее конституционализма как мировоззренческой платформы // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 5 (156). С. 11–36.
3. **Gill L., Redeker D., Gasser U.** Towards Digital Constitutionalism? Mapping Attempts to Craft an Internet Bill of Rights // Research Publication No. 2015-15. November 9. VIIDCXLI. 2015. P. 2–5.
4. **Suzor N.** Digital constitutionalism and the role of the rule of law in the governance of virtual communities // Doctoral Thesis – Queensland University of Technology. 2010. P. 1–325.
5. **Berman P.** Cyberspace and the State Action Debate: The Cultural Value of Applying Constitutional Norms to ‘Private’ Regulation // University of Colorado Law Review. 2000. Vol. 71. No. 4. P. 1270, 1290.
6. **Fitzgerald B.** Software as Discourse: The Power of Intellectual Property in Digital Architecture // Cardozo Arts & Entertainment Law Journal. 2000. Vol. 18 (2). P. 337.
7. **Mendes G. F., Fernandes V. O.** Digital Constitutionalism and Constitutional Jurisdiction: A Research Agenda for the Brazilian Case // The Rule of Law in Cyberspace. Law, Governance and Technology Series. 2022. Vol. 49. Springer, Cham. P. 65–88.
8. **Celeste E.** Digital Constitutionalism: Mapping the Constitutional Response to Digital Technology’s Challenges // HIIG Discussion Paper Series. № 2018-02. P. 3–4. Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3219905>.
9. **Кравец И. А.** Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 9–15.
10. **Кравец И. А.** Цифровизация, право и конституция // Право цифровой среды: моногр. под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022. С. 185–200.
11. **Suzor N.** Digital Constitutionalism: Using the Rule of Law to Evaluate the Legitimacy of Governance by Platforms // Social Media + Society. 2018 (July-September). P. 1–11.
12. **Карташов А. С.** «Умные города» и конституционные права и свободы: конфликт или союз? // Тр. Ин-та государства и права РАН. 2023. Т. 18, № 4. С. 108–133.

References

1. **Varlamova N. V., Vasil’eva T. A.** Sovremennye tsivilizatsionnye vyzovy: pravovye otvety [Modern civilizational challenges: legal responses (International Scientific Conference)]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2024, vol. 2, pp. 235–263. (in Russ).

2. **Kravets I. A.** *Mnogomernyi krizis i tsifrovoe budushchee konstitutsionalizma kak mirovozzrencheskoi platformy [Multidimensional crisis and the digital future of constitutionalism as a Worldview platform]. Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*, 2023, vol. 5 (156), pp. 11–36. (in Russ).
3. **Gill L., Redeker D., Gasser U.** *Towards Digital Constitutionalism? Mapping Attempts to Craft an Internet Bill of Rights. Research Publication*, 2015, vol. 15.
4. **Suzor N.** *Digital constitutionalism and the role of the rule of law in the governance of virtual communities. Doctoral Thesis – Queensland University of Technology*, 2010.
5. **Berman P.** *Cyberspace and the State Action Debate: The Cultural Value of Applying Constitutional Norms to 'Private' Regulation. University of Colorado Law Review*, 2000, vol. 4.
6. **Fitzgerald B.** *Software as Discourse: The Power of Intellectual Property in Digital Architecture. Cardozo Arts & Entertainment Law Journal*, 2000, vol. 18 (2).
7. **Mendes G. F., Fernandes V. O.** *Digital Constitutionalism and Constitutional Jurisdiction: A Research Agenda for the Brazilian Case. The Rule of Law in Cyberspace. Law, Governance and Technology Series*, 2022, vol. 49. (in Eng.).
8. **Celeste E.** *Digital Constitutionalism: Mapping the Constitutional Response to Digital Technology's Challenges. HIIG Discussion Paper Series*, 2018, vol. 2.
9. **Kravets I. A.** *Informatsionnyi i tsifrovoy konstitutsionalizm i konstitutsionnye obshchestvennye initsiativy v usloviyakh rossiiskogo pravovogo prostranstva [Information and digital constitutionalism and constitutional public initiatives in the context of the Russian legal space]. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo [Constitutional and municipal law]*, 2020, vol. 9, pp. 9–15. (in Russ).
10. **Kravets I. A.** *Tsifrovizatsiya, pravo i konstitutsiya [Digitalization, law and the Constitution]. Pravo tsifrovoy sredy: Monografiya pod redaktsiei T.P. Podshivalova, E.V. Titovoi, E.A. Gromovoi. Moscow: Prospekt publ., 2022, pp. 185–200. (in Russ).*
11. **Suzor N.** *Digital Constitutionalism: Using the Rule of Law to Evaluate the Legitimacy of Governance by Platforms. Social Media + Society*, 2018.
12. **Kartashov A. S.** *«Umnnye goroda» i konstitutsionnye prava i svobody: konflikt ili soyuz? [Smart Cities and Constitutional Rights and Freedoms: conflict or alliance?]. Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]*, 2023, vol. 4, pp. 108–133. (in Russ).

Информация об авторе

Солодкина Мария Евгеньевна, аспирант Института философии и права Новосибирского государственного университета, ассистент кафедры конституционного и муниципального права Института философии и права Новосибирского государственного университета
SPIN: 2026-9934

Information about the Author

Maria E. Solodkina, Postgraduate Student at the Institute of Philosophy and Law of Novosibirsk State University, assistant at the Department of Constitutional and Municipal Law at the Institute of Philosophy and Law at Novosibirsk State University
SPIN: 2026-9934

*Статья поступила в редакцию 12.01.2026;
одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 09.02.2026*

*The article was submitted 12.01.2026;
approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 09.02.2026*

Научная статья

УДК 342.8

DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-1-30-39

Реформирование механизмов делимитации избирательных округов для совершенствования народного представительства

Евгений Евгеньевич Русских

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

russnad1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8508-1847>

Аннотация

В статье рассматривается проблема искусственного электорального манипулирования избирательной географией, известная под термином «джерримендеринг», которая влияет на искажение результатов выборов и нарушает принципы равного представительства. Автор исследует делимитацию избирательных округов и ее итоговое влияние на политическую карту России, используя конкретные примеры и акцентируя внимание на значимости честного редистриктинга и необходимости широкого общественного обсуждения схемы делимитации. В качестве выводов автор статьи проводит анализ избирательных процессов в России и сопоставляет их с международными практиками, что подтверждает необходимость реформирования избирательной системы путем внесения изменений в законодательство, направленных на сохранение демократических ценностей через ужесточение требований к образованию избирательных округов.

Ключевые слова

политические партии, джерримендеринг, народное представительство, избирательная система, делимитация избирательных округов, политическая география, избирательные права, общественные обсуждения

Для цитирования

Русских Е. Е. Реформирование механизмов делимитации избирательных округов для совершенствования народного представительства // Юридическая наука и практика. 2026. Т. 22, № 1. С. 30–39. DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-1-30-39

Reforming the Mechanisms of Delimitation of Electoral Districts to Improve Popular Representation

Evgeny E. Russkikh

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

russnad1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8508-1847>

Abstract

The article addresses the issue of artificial electoral manipulation of electoral geography, known by the term «gerrymandering», which affects the distortion of election results and violates the principles of equal representation. The author examines the delimitation of electoral districts and its ultimate impact on the political map of Russia, using specific examples and emphasizing the importance of fair redistricting and the necessity of broad public discussion of the delimitation scheme. As conclusions, the author analyzes the electoral processes in Russia and compares them with international practices, confirming the need to reform the existing electoral system by making changes to current legislation aimed at preserving democratic values through tightening requirements for the formation of electoral districts.

© Русских Е. Е., 2026

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2026. Т. 22, № 1
Juridical Science and Practice, 2026, vol. 22, no. 1

Keywords

political parties, gerrymandering, popular representation, electoral system, delimitation of electoral districts, political geography, electoral rights, public discussions

For citation

Russkikh E. E. Reforming the mechanisms of delimitation of electoral districts to improve popular representation. *Juridical Science and Practice*, 2026, vol. 22, no. 1, pp. 30–39. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-1-30-39

Актуальность проблематики делимитации (и последующего пересмотра) границ одномандатных избирательных округов подтверждается непосредственным влиянием на качество народного представительства и устойчивости доверия к электоральным институтам. В условиях смешанной избирательной системы конфигурация округов способна оказывать сопоставимое по значимости влияние на распределение мандатов с итогами голосования, что делает процедуру «нарезки» округов предметом повышенного внимания в России в связи с предстоящими выборами депутатов Государственной Думы в 2026 году.

Особую научную и практическую значимость данный вопрос приобретает в связи с действующим порядком утверждения схемы одномандатных округов федеральным законом на длительный срок, а также с необходимостью соблюдения принципа равенства избирательных прав и равного представительства, закрепленного в Конституции Российской Федерации. Проблема заключается в противоречии между формально-юридическим равенством избирателей и фактическим искажением воли граждан при «нарезке» округов.

Целью настоящего исследования является анализ практик джерримендеринга в России и за рубежом, а также разработка предложений по реформированию механизмов делимитации для обеспечения подлинного народного представительства.

Под термином «джерримендеринг» в англо-американской политической науке часто рассматривается механизм, с помощью которого партии обеспечивают себе устойчивое большинство в законодательных органах, оказывая негативное влияние на избирательный процесс, путем искажения представительства и уменьшения конкуренции на выборах [1, с. 1119].

При этом, как отмечают исследователи Кембриджского университета, избирательная география «джерримендеринг» – это стратегическое манипулирование границами избирательных округов с целью обеспечения политического преимущества для определенной партии или группы, часто вопреки принципам справедливого представительства, что ведет к дисбалансу представительства и подрыву демократических ценностей [2, с. 38].

Согласно определению российского ученого А. А. Черенева, под джерримендерингом подразумевается «произвольная демаркация избирательных округов с целью искусственного изменения соотношения политических сил в них и, как следствие, в целом на территории проведения выборов» [3, с. 128]. Джерримендеринг бывает нескольких типов, которые сводятся либо к локализации определенных политических сил в определенном округе, либо, наоборот, к их делокализации и рассредоточению концентрации сторонников определенных политических сил по нескольким различным избирательным округам. Иначе говоря, это особый метод «нарезки» одномандатных/многомандатных округов, который за счет политико-географических особенностей отдельных регионов должен приводить к существенному искажению подлинного волеизъявления населения.

Таким образом, избирательная география «джерримендеринг» представляет собой форму электоральной манипуляции, которая систематически нарушает принцип равного представительства, приводя к дискриминационному распределению политического влияния. Как следствие, данная практика подрывает фундаментальные демократические принципы, в частности равенство избирательных прав граждан, что в долгосрочной перспективе способно дестаби-

лизировать легитимность избирательной системы, так как подобные искажения носят не случайный, а структурный характер, закрепляя преимущества доминирующих политических сил.

А. А. Бунина на примере избирательного процесса в США оценивала сущность джерримендеринга, электоральную географию и методы определения и борьбы с джерримендерингом. Она делает несколько важных тезисов:

1. Основной постулат честного редистриктинга, процесса оформления избирательных округов, таков: если партия получает большинство голосов, то партия получает большинство мест.

2. Честный процесс образования избирательных округов предполагает их компактность: чем более неестественные границы округа, тем более высок шанс того, что округ был нарезан таким образом специально. Важно отметить, что специально – не значит злонамеренно, поскольку на такое формирование могут оказывать влияние сугубо географические причины: горные хребты, озера и реки и т. д.

3. При равном количестве голосов у партий должны быть равные количества депутатских мандатов. Принцип, оговоримся, работает для двухпартийных систем, так как его можно свети к следующему утверждению: если партия А победила, набрав 60 % голосов, но получила 75 % мандатов, то и партия Б, победив с результатом 60 % на следующих выборах, должна получить те же 75 % мандатов.

4. Эффективность – считаются все голоса, не повлиявшие на исход выборов. Если у одной партии таких голосов больше обычного, то эта партия пострадала от джерримендеринга [4, с. 57].

Так, в России нарезка избирательных округов проводится ЦИК, но утверждается Государственной Думой в форме Федерального закона, срок действия которого составляет 10 лет. Согласно Федеральному закону от 23.05.2025 № 107-ФЗ¹, вся Российская Федерация разделена на 225 одномандатных округов.

Требования к созданию избирательных округов в настоящий момент таковы:

1. Должно соблюдаться примерное равенство одномандатных избирательных округов по числу зарегистрированных на их территориях избирателей с допустимым отклонением от средней нормы представительства избирателей, которая определяется путем деления общего числа избирателей, зарегистрированных в Российской Федерации, на общее число одномандатных избирательных округов, в пределах одного субъекта РФ не более чем на 10 процентов, а в труднодоступных или отдаленных местностях – не более чем на 15 процентов.

2. Не допускается образование одномандатных избирательных округов из территорий, не граничащих между собой, за исключением территорий, не граничащих с другими территориями в данном округе? субъекте? РФ;

3. Не допускается образование одномандатного избирательного округа из территорий двух и более субъектов РФ;

4. На территории каждого субъекта Российской Федерации должно быть образовано не менее одного одномандатного избирательного округа.

Э. В. Алимов еще до выборов в 2016 г., которые должны были первыми «апробировать» новую систему, указывал, что такое разделение участков имеет характер джерримендеринга, что обосновывал комплексом причин:

1) отсутствие хоть какой-либо дискуссии перед принятием указанной схемы. Она не обсуждалась ни в научных кругах, ни в обществе, ни даже среди политических партий;

2) высокая спешность в принятии новой схемы, отсутствие правовых аргументов к переходу на такую схему;

¹ См.: Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 107-ФЗ «Об утверждении схемы одномандатных избирательных округов для проведения выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505230011> (дата обращения: 10.10.2025).

3) полностью иной подход к формированию округов, где крупные города разделены на секторы и присоединены к сельской местности, что увеличивает силы правящей политической партии [5, с. 60].

Рассмотрим, например, некоторые практические различия актуальной избирательной схемы (относительно новой, поскольку уже через год она должна быть изменена) и предыдущей, утвержденной также Федеральным законом, на примере конкретных избирательных округов: так, в Алтайском крае в 2003 г. действовало четыре одномандатных округа, город Барнаул был частью Барнаульского одномандатного округа. В 2015 г. «кусок» Барнаула достался каждому из четырех одномандатных округов. В 2003 г. Читинская область имела два одномандатных округа, город Чита был частью одного из двух округов; в 2015 г. Забайкальский край также состоит из двух округов, но Чита также разделена пополам. В 2003 г. Новосибирская область была составлена из четырех округов, как и в 2015 г., но с существенным различием – весь Новосибирск почти полностью «уместился» в два одномандатных округа, третий был полностью «сельским», а четвертый отсекал географически изолированный Советский район и присоединял его к западной части области, Искитимскому району. В 2015 г. к Советскому району добавился Первомайский, а полностью городские два одномандатных округа были смешаны с единственным сельским [6, с. 109].

Научные опасения, высказанные Э. В. Алимовым, оправдались полностью. Можно оценить то, насколько текущий избирательный дистриктинг соответствует нормам демократии либо представляет собой продукт джерримендеринга, что особенно удобно сделать, сопоставив результаты выборов по округам и по спискам:

1. Количество депутатов-одномандатников из Единой России в 2016 г. составило 203 человека. Это 90 % мандатов. Общий результат Единой России по спискам – 54,2 %, при составлении нехитрой пропорции окажется, что Единая Россия должна была получить 122 мандата и «перебрала» 81 мандат!

2. Мы можем говорить о неестественности разреза избирательных округов лишь частично, поскольку при их нарезке избирательные чиновники стремились соединить округа в столичном для региона населенном пункте. Безусловно, это не учитывает полностью географический принцип. Необходимо отметить, насколько географически изрезанными получились новые округа, но и прошлые округа были достаточно изрезанными, поэтому необходимо признать, что идеальной «гладкости» добиться невозможно ввиду того, что каждое муниципальное образование достаточно испещрено. Кажется, что на примере Новосибирской области эти процессы видны особенно явно.

3. На примере последних выборов в Новосибирской области оценим то, какими могли бы быть результаты на выборах в Госдуму в 2021 г. в двух городских округах, если бы избирательные округа были бы прежними. Так, в ОИК № 135 по трем городским районам (Калининский, Заельцовский, Железнодорожный) процентное соотношение голосов таково: 1-е место – Олег Иванинский, Единая Россия: 26,12 % голосов; Андрей Жирнов, КПРФ: 24 %; Игорь Украинцев, «Зеленые»: 17,29 %. Итоговые же результаты таковы: Олег Иванинский – 31,2 %, Андрей Жирнов – 24,7 %, Игорь Украинцев – 9,3 %.² Учитывая тот факт, что Игорь Украинцев был «протестным» кандидатом, поддержанным одной оппозиционной системой, для содействия голосованию, то очевидно, что за него голосовало преимущественно городское, протестное население. Безусловно, тяжело прибавить к этим голосам голоса граждан Дзержинского и Центрального районов, поскольку там не было такого популярного кандидата от «Зеленых».

² См.: Данные Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва 19 сентября 2021 года на основании протоколов и решений окружных избирательных комиссий о результатах выборов по одномандатным избирательным округам. Вестник ЦИК России. 2021. № 22. С. 607–611. URL: http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/p_itogi/ (дата обращения: 10.10.2025).

Однако по «старому» одномандатному округу, который состоял из Кировского, Ленинского, Первомайского и Октябрьского районов, сравнение будет более репрезентативным. Так, например, возьмем за основу кандидатов Кировского и Ленинского районов, где основное противоборство было между кандидатами от ЕР и КПРФ, третье место занял представитель Новых Людей. По Искитимскому округу, к которому относится Первомайский район, а равно по Центральному округу, к которому относится Октябрьский район, также было противостояние «кандидата власти» и «оппозиционного кандидата», что позволяет соотнести голоса. Так, за гипотетического кандидата от КПРФ по «старому» одномандатному округу было бы отдано 32,2 % голосов, за кандидата от партии власти было бы отдано 31,54 %.

В реальности по «Барабинскому» одномандатному округу, к которому из городских относятся Ленинский и Кировский районы, победил кандидат от Единой России с результатом 35,88 %, а кандидат от КПРФ проиграл, набрав 28,31 %. Можно сказать, что джерримендеринг лишил одного депутата из КПРФ мандата в Новосибирской области.

Джерримендеринг – это не гипотетическая, а вполне реальная проблема. А. А. Черенев отмечает, что в Иркутской области проблема еще более серьезная: «разбивка» на Иркутск и Иркутскую область показали на выборах мэра города в 2010 г. и выборах губернатора области в 2015 г. оппозиционные настроения жителей (на выборах мэра г. Иркутска представитель от КПРФ набрал 62,3 %, а представитель от ЕР – 27,2 %; на выборах губернатора Иркутской области в Иркутске соотношение политических предпочтений составило 71,1 и 27 %, в Иркутском районе – 68,8 и 29,3 % соответственно), но на выборах в 2016 г. нарезка округов позволила провести Единой России на выборах в Государственную Думу двух из трех своих кандидатов. Из региона, где правящая партия набирала менее трети голосов – 2/3 кандидатов [7, с. 131]!

С учетом того, что федеральные законы принимаются простым большинством голосов, то Единой России достаточно каждый раз голосовать в полном составе за схему избирательных округов, которую предлагает лояльный власти ЦИК [8, с. 48].

Полагается, что распределение округов по принципу совмещения сельского и городского населения – недемократично, поскольку стирает возможности проведения в Государственную Думу более оппозиционных кандидатов, которые пользуются поддержкой городского населения. Не секрет, что ряд политиков пользуются популярностью именно у городского населения, поскольку тесно с ним связаны и чужды для сельского населения. Общемировая практика показывает, что в сельской местности, преимущественно политически пассивной, консервативной, правой по взглядам, избиратели голосуют за ведущую политическую партию, а также правые, консервативные силы, то в городах, как правило, сильные позиции имеет политическая оппозиция, более левые партии [9, с. 98].

Это проявляется не только в РФ, где именно сельское население отдает свое предпочтение партии власти, чья политическая идеология может быть охарактеризована как правая, консервативная, но и в иных странах с развитым избирательным процессом.

Например, в Канаде делимитацией округов занимается независимая комиссия по пересмотру избирательных округов (Boundary Commission). Каждая провинция имеет свою комиссию, которая проводит пересмотр границ округов каждые 10 лет на основе данных переписи населения, учитывая демографические изменения, проводя открытые слушания для сбора мнений граждан [10, с. 6].

В некоторых штатах США, таких как Калифорния, Аризона и Мичиган, также созданы независимые комиссии, которые формируются из граждан, не связанных с политическими партиями, и работают над созданием округов, которые учитывают интересы населения, избегая политических манипуляций [11, с. 17].

В США уже длительное время отмечается следующая избирательная тенденция: город голосует за демократов, деревня – за республиканцев, а в пригородных районах больше всего конкурентных выборов. Если обратить внимание на результаты выборов по штатам, окажется, что США территориально преимущественно «красные», т. е. республиканские, а «синие» зоны

демократов крайне локализованы в городах [12, с. 178]. Например, энтузиасты математики и программисты из США создали математическую карту-расчет, которая позволяет оценить то, насколько прозрачно текущее распределение в США по избирательным округам. Удивительно, что если поделить избирательные округа в пользу республиканцев, то они могут гарантированно рассчитывать на 275 мест в палате представителей, если аналогичную манипуляцию провести в пользу демократов, то их максимум – 263 места [13, с. 46]. Это объясняется высокой локализацией избирателей демократов в городах.

Предполагается, что создание антитезы города и села в избирательном аспекте – это позитивная идея, поскольку предполагает улучшенные возможности для избирательной агитации, так как создает более тесные взаимоотношения депутата и его избирателей, который может лоббировать интересы более «концентрированного» избирателя. Интересы города и села зачастую если и не противоположны, то разнонаправлены, а тесный диалог с избирателями окажется невозможным. Кандидату в депутаты и его команде придется договариваться с куда большим числом муниципалитетов и рекламодателей для того, чтобы получить возможность для проведения полноценной агитации. Более того, в сельской местности административное воздействие может быть намного сильнее, поскольку основной электорат села – это либо пенсионеры, либо государственные служащие, либо сотрудники государственных предприятий.

Однако хотя достаточно просто констатировать факт джерримендеринга, не так-то просто его полностью исключить. Некоторые могут оппонировать, что именно смешение городского и сельского населения позволяет эффективно отразить именно концепцию народного, а не нового «сословного» представительства, позволит населению сельских регионов быть более услышанными. Эти граждане могут утверждать, что именно иной формат и представляет собой подлинный джерримендеринг в виде формирования избирательных округов таким образом, чтобы именно оппозиция была более представленной. Такие возражения не лишены логики, однако ранее показанное соотношение результатов выборов по спискам и по одномандатным округам все же демонстрирует то, что в настоящий момент более справедливым является разделение округов на смешанные и городские [14, с. 60].

Также наблюдается странная фикция в причислении избирателей, проживающих за пределами Российской Федерации, к определенным одномандатным избирательным округам, образованным на территории Российской Федерации. Такие жители условно считаются жителями той территории РФ, с которой они ранее не были связаны и вряд ли будут связаны в будущем. П. И. Костогрызов считает такую юридическую фикцию полезной, поскольку она позволяет обеспечить избирательные права тем гражданам, что не имеют тесной территориальной связи с Российской Федерацией [15, с. 5]. В Федеральном законе от 03.11.2015 № 300-ФЗ количество граждан, которые имеют избирательные права и проживают на территории иных государств, велико и составляет 1 880 294 человека. При единой норме представительства в приблизительно 480 тысяч человек – это без малого четыре депутатских мандата для лиц, которые могли бы более репрезентативно отражать и лоббировать интересы граждан, находившихся за рубежом. Для того чтобы облегчить расчет, предлагается сделать «фиктивный», 90-й субъект Российской Федерации [16, с. 92].

Представляется важным минимизировать административный ресурс при формировании избирательных округов. При полярности мнений в Государственной Думе действительно возможна подлинная дискуссия в сфере утверждения округов, однако в текущих условиях такая дискуссия полагается невозможной. Независимо от этого полагается должным усилить общественное воздействие на органы власти, в том числе через широкую дискуссию политических партий вне стен парламента. Н. В. Гришин утверждает, что действенным инструментом для способствования популяризации обсуждения делимитации границ округов выступает продолжительность временных рамок для процедур общественного участия. Он отмечает, что незначительный период времени для общественного обсуждения облегчает административный

путь принятия для органов власти нужной им схемы без учета пожеланий граждан и их представителей, без серьезного обсуждения институтами гражданского общества [17, с. 142].

Однако участие общественности в обсуждении схемы делимитации можно рассматривать как проявление делиберативного конституционализма из-за активного вовлечения и участия граждан и института общественности (научной, профессиональной и иной) в вопросах конституционного развития и конституционных изменений избирательного права [18, с. 56].

Действительно, сейчас у Государственной Думы есть всего чуть больше месяца на анализ такой схемы, исходя из системного толкования ч. 10 и ч. 12 ст. 12 Закона «О выборах депутатов Государственной Думы», так как новый закон, утверждающий новую схему, должен быть опубликован всего за 60 дней, после внесения ЦИКом новой схемы – т. е. остается всего 50 дней на три чтения, принятие Советом Федерации, подписание Президентом. Этот срок недостаточен, поскольку его хватает только на утверждение новой схемы, но никак не на ее доработку. Искомый срок требуется увеличить до 180 дней.

Кроме того, использование геоинформационных систем (ГИС) в эпоху цифровизации общества видится необходимым инструментом для эффективного формирования избирательных округов. С помощью данной системы можно визуализировать и анализировать демографические характеристики населения, такие как возраст, пол, уровень образования и доход, что позволяет создавать карты распределения демографических групп и более точно формировать округа с учетом интересов различных сообществ [19, с. 38].

Например, в Канаде ГИС используется для определения границ округов на основе пространственного анализа, что помогает избежать искусственного разделения сообществ и джеримендеринга. Кроме того, с помощью данной системы можно учитывать расположение социальных объектов, таких как школы и больницы, что позволит создавать округа, отражающие потребности местного населения.

Исходя из всего вышесказанного, полагается возможным внести следующие изменения в ст. 12 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»³:

1. Дополнить часть 7 пунктом 5.1. и указать «7. Одномандатные избирательные округа образуются в соответствии со следующими требованиями:

5.1) не допускается разделение муниципального образования между отдельными одномандатными избирательными округами, за исключением случаев, когда население одномандатного избирательного округа выше средней нормы представительства. Если население муниципального образования выше, чем средняя норма представительства, то тогда население этого муниципального образования делится на среднюю норму представительства. Целая часть полученного частного представляет количество одномандатных избирательных округов, образуемых в границах муниципального образования.

2. Изменить часть 9 и изложить ее в следующей редакции: «Избиратели, проживающие за пределами территории Российской Федерации, объединяются в «условный субъект Российской Федерации», приравненный для целей образования одномандатных округов к субъектам Российской Федерации. Число избирателей, приписанных к условному субъекту Российской Федерации, определяется на основании сведений о численности избирателей, участников референдума, зарегистрированных за пределами территории Российской Федерации в соответствии с требованиями статьи 16 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

3. Изменить часть 10 и подпункт 2 к ней и изложить их в следующей редакции:

«10. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации разрабатывает и не позднее чем за 180 дней до дня истечения срока, на который была утверждена преж-

³ См.: Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Ст. 12. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201402240003> (дата обращения: 10.10.2025).

няя схема одномандатных избирательных округов, представляет в установленном порядке на рассмотрение Государственной Думы новую схему одномандатных избирательных округов и ее графическое изображение. В схеме одномандатных избирательных округов указываются:

....

2) перечень входящих в каждый одномандатный избирательный округ муниципальных образований или населенных пунктов. Если одномандатный избирательный округ включает в себя всю территорию субъекта Российской Федерации, перечень включенных в него муниципальных образований или населенных пунктов не приводится;

...».

Список литературы

1. **Parsons G. Michael.** Clearing the Political Thicket: Why Political Gerrymandering for Partisan Advantage is Unconstitutional // *William & Mary Bill of Rights Journal*. 2016. P. 1107–1135.
2. **McGann A. J., Smith C., Latner M., Keenan A.** *Gerrymandering in America: The House of Representatives, the Supreme Court, and the Future of Popular Sovereignty*. New York, NY: Cambridge University Press, 2016. 304 p.
3. **Чернев А. А.** Политико-географические методы и факторы в формировании избирательных округов // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2017. Т. 21. С. 126–133.
4. **Бунина А. А.** Избирательные округа в США: джерримендеринг как аспект партийного соперничества // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 10. С. 52–63.
5. **Алимов Э. В.** Джерримендеринг в современной России: сущность и перспективы использования // *Конституционное и муниципальное право*. 2016. № 5. С. 59–61.
6. **Лебедева Т. В.** Избирательное законодательство и джерримендеринг: необходимость реформ // *Вестник политологии*. 2019. Т. 3, № 4. С. 102–115.
7. **Чернев А. А.** Политико-географические методы и факторы в формировании избирательных округов // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2017. Т. 21. С. 126–133.
8. **Григорьев А. В.** Проблемы делимитации избирательных округов в России: опыт и перспективы // *Известия высших учебных заведений. Проблемы политики и права*. 2020. № 1. С. 45–56.
9. **Кузнецов В. А.** *Город и село в избирательном процессе: проблемы и решения*. М.: Наука, 2019. 250 с.
10. **Courtney J.** Electoral Districts in the USA: Can Canada Help? *Public Administration Issues*. 2008. No. 17. P. 1–9.
11. **Семенова О. В.** Опыт независимых избирательных комиссий: зарубежный и российский контекст // *Журнал избирательного права*. 2021. Т. 5, № 1. С. 12–25.
12. **Kinna A., Latner M., McGann A. D., Smith K. A.** *Gerrymandering in America: The House of Representatives, the Supreme Court, and the Future of Popular Sovereignty*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 268 p.
13. **Гришин Н. В., Мармилова Е. П.** Методологический поворот в современных исследованиях государственной политики и управления в сфере избирательного процесса // *Современная наука и инновации*. 2015. № 4. С. 41–49.
14. **Кузнецов Е. А.** Манипуляции с избирательными округами: правовые аспекты и реформы // *Юридические исследования*. 2020. Т. 2, № 1. С. 56–70.
15. **Костогрызов П. И.** «Мнимые величины» в конституционном праве // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 8. С. 3–6.

16. **Соловьев М. Ю.** Правовые механизмы предотвращения джерримендеринга в России // *Право и общество*. 2023. Т. 6, № 2. С. 88–99.
17. **Гришин Н. В.** Общественное участие в процессе делимитации избирательных округов // *Вопросы элитологии*. 2020. Т. 1, № 1. С. 130–146.
18. **Кравец И. А.** Делиберативный народный конституционализм и конституционные изменения: формы, процедуры и технологии в сравнительной конституционной теории и практике (к 30-летию Конституции РФ в сравнительном аспекте) // *Государство и право*. 2023. № 12. С. 48–58.
19. **Петров С. А.** Геоинформационные системы как инструмент повышения прозрачности выборов // *Журнал избирательного права*. 2022. Т. 6. № 1. С. 34–42.

References

1. **Parsons G. Michael.** Clearing the Political Thicket: Why Political Gerrymandering for Partisan Advantage is Unconstitutional. *William & Mary Bill of Rights Journal*, 2016, pp. 1107–1135.
2. **McGann A. J., Smith C., Latner M., Keenan A.** Gerrymandering in America: The House of Representatives, the Supreme Court, and the Future of Popular Sovereignty. New York, NY: Cambridge University Press, 2016. 304 p.
3. **Cherenev A. A.** Political-Geographical Methods and Factors in the Formation of Electoral Districts. *News of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*, 2017, vol. 21, pp. 126–133. (in Russ.)
4. **Bunina A. A.** Electoral Districts in the USA: Gerrymandering as an Aspect of Party Competition. *World Economy and International Relations*, 2020, vol. 64, no. 10, pp. 52–63. (in Russ.)
5. **Alimov E. V.** Gerrymandering in Modern Russia: Essence and Prospects for Use. *Constitutional and Municipal Law*, 2016, no. 5, pp. 59–61. (in Russ.)
6. **Lebedeva T. V.** Electoral Legislation and Gerrymandering: The Need for Reforms. *Bulletin of Political Science*, 2019, vol. 3, no. 4, pp. 102–115. (in Russ.)
7. **Cherenev A. A.** Political-Geographical Methods and Factors in the Formation of Electoral Districts. *News of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*, 2017, vol. 21, pp. 126–133. (in Russ.)
8. **Grigoryev A. V.** Problems of Delimitation of Electoral Districts in Russia: Experience and Prospects. *News of Higher Educational Institutions. Problems of Politics and Law*, 2020, no. 1, pp. 45–56. (in Russ.)
9. **Kuznetsov V. A.** City and Village in the Electoral Process: Problems and Solutions. Moscow: Nauka publ., 2019. 250 p. (in Russ.)
10. **Courtney J.** Electoral Districts in the USA: Can Canada Help? *Public Administration Issues*, 2008, no. 17, pp. 1–9.
11. **Semyonova O. V.** The Experience of Independent Electoral Commissions: Foreign and Russian Context. *Journal of Electoral Law*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 12–25. (in Russ.)
12. **Kinna A., Latner M., McGann A. D., Smith K. A.** Gerrymandering in America: The House of Representatives, the Supreme Court, and the Future of Popular Sovereignty. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 268 p.
13. **Grishin N. V., Marmilova E. P.** Methodological Turn in Modern Research of State Policy and Governance in the Electoral Process. *Modern Science and Innovations*, 2015, no. 4, pp. 41–49. (in Russ.)
14. **Kuznetsov E. A.** Manipulations with Electoral Districts: Legal Aspects and Reforms. *Legal Studies*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 56–70. (in Russ.)
15. **Kostogryzov P. I.** “Fictitious Quantities” in Constitutional Law. *Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 8, pp. 3–6. (in Russ.)

16. **Solovyev M. Y.** Legal Mechanisms for Preventing Gerrymandering in Russia. *Law and Society*, 2023, vol. 6, no. 2, pp. 88–99. (in Russ.)
17. **Grishin N. V.** Public Participation in the Process of Delimitation of Electoral Districts. *Issues of Elitology*, 2020, vol. 1, no. 1, pp. 130–146. (in Russ.)
18. **Kravets I. A.** Deliberative popular constitutionalism and constitutional changes: forms, procedures and technologies in comparative constitutional theory and practice (on the 30th anniversary of the constitution of the Russian Federation in a comparative aspect). *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, 2023, no. 12, pp. 48–58. (in Russ.)
19. **Petrov S. A.** Geographic Information Systems as a Tool for Increasing Election Transparency. *Journal of Electoral Law*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 34–42. (in Russ.)

Информация об авторе

Русских Евгений Евгеньевич, аспирант Новосибирского государственного университета, начальник управления профессионального образования и высшей школы Министерства образования Новосибирской области

Information about the Author

Evgeny E. Russkikh, Postgraduate Student at Novosibirsk State University, Head of the Department of Professional Education and Higher Education at the Ministry of Education of the Novosibirsk Region

*Статья поступила в редакцию 12.01.2026;
одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 09.02.2026*

*The article was submitted 12.01.2026;
approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 09.02.2026*